

НЕ «ПРОТИВ», А «ДРУГОЙ»...

В Российской государственной библиотеке состоялась встреча с израильской поэтессой Хамуталь Бар-Йосеф. Ее недельное пребывание в России включало и другие встречи с московской и петербургской общественностью. Встречи эти проходили с чтением стихов из нового сборника «Пища» (в переводе Юлии Винер), на них звучали глубокие суждения литературоведческих авторитетов об уникальном национальном колорите поэзии Хамуталь Бар-Йосеф, о ее блестящем даре «сопрягать в стихе вселенскую мировосприяния, бытие — с бытом, космизм с конкретной осозаемостью предметов и образов». Стихи звучали и в первоисточнике — на иврите, и по-русски. И этот обычный в подобных случаях диалог виделся на сей раз еще и знаком другой — научной — сферы деятельности поэтессы. Доктор наук, профессор Хамуталь Бар-Йосеф — исследователь связей еврейской и русской литературы.

— Вы завидно много успели: девять поэтических книг, две книги переводов русскоязычной поэзии на иврит, шесть книг литературоведческих исследований. Награды — Приз президента Израиля, Премия Иосифа-Хайима Бренера — свидетельство того, что вы делаете для своей страны чрезвычайно важное дело. Казалось бы, что может быть выше культуры, а между тем не секрет, что в адрес Израиля — именнов в культурном плане — еще не смолкли громовые израилевские базара, рыночная

исследованием

исследовать воздействие в направлении
не «против», а «другой».

— **А ваш приход на русско-еврейское
литературное поле тоже ведь произо-
шел не без участия корней?**

— Родители приехали в Израиль с Западной Украины, из Ровно, в 1936-м. Я родилась в 1940-м, и со мной они говорили только на иврите.

— **Но израильский «плывильный котел»**

вбирает литературу, культуру разно-
риантов отовсюду. Какова мера сво-
боды самовыражения не только рус-
ских, но и иных — англоязычных, про-
тивоположных сообществ? Воз-
можности тех или иных?

— Важно лишь, талантлив ли ты. А
свобода писать, как считаешь нужным,
не ограничена. Никто, конечно, не дик-
тует писателю, о чем, как, в каком сти-
ле писать. И талантов немало. Но если
до создания государства Израиль в этой
стране еврейская литература — как и
еврейская в России — была литерату-
рой меньшинства, то у нас сейчас она
— литература большинства.

В Израиле живут и светские, и рели-
гиозные граждане. Но у тех и других,
тем более если они съезжальщицы гово-
рят на иврите, еврейской ментальность
пропитана еврейской историей, тради-
циями, дети с трех лет знают Библию.
Мы говорим на языке Библии. История
еврейского народа преподается, конеч-
но, и в светских школах, и писатели,
даже живущие не религиозной, а сугубо
светской жизнью, пишут на языке, про-
питанном историческими источниками.

Авторы возрождения были обычно
еврейского происхождения, хорошо зна-
ли русскую литературу. Былики писали о
еврействе, овладев русской классикой,
и знания и Бальмонта, и Брюсова, и Аннен-
ского, и Мережковского, и Горького, и
Сологуба... Лермонтов писал: «Нет, я
не Байрон, я другой», испытывая при этом
влияние Байрона. Каким бы ни было
моё бы сказать: я другой. Интересно

исследование в направлении
не «против», а «другой».

— **Да ваш приход на русско-еврейское
литературное поле тоже ведь произо-
шел не без участия корней?**

Родители приехали в Израиль с Западной Украины, из Ровно, в 1936-м. Я родилась в 1940-м, и со мной они говорили только на иврите.

— **Но израильский «плывильный котел»**

вбирает литературу, культуру разно-
риантов отовсюду. Какова мера сво-
боды самовыражения не только рус-
ских, но и иных — англоязычных, про-
тивоположных сообществ? Воз-
можности тех или иных?

— Важно лишь, талантлив ли ты. А
свобода писать, как считаешь нужным,
не ограничена. Никто, конечно, не дик-
тует писателю, о чем, как, в каком сти-
ле писать. И талантов немало. Но если
до создания государства Израиль в этой
стране еврейская литература — как и
еврейская в России — была литерату-
рой меньшинства, то у нас сейчас она
— литература большинства.

В Израиле живут и светские, и рели-
гиозные граждане. Но у тех и других,
тем более если они съезжальщицы гово-
рят на иврите, еврейской ментальность
пропитана еврейской историей, тради-
циями, дети с трех лет знают Библию.
Мы говорим на языке Библии. История
еврейского народа преподается, конеч-
но, и в светских школах, и писатели,
даже живущие не религиозной, а сугубо
светской жизнью, пишут на языке, про-
питанном историческими источниками.

Авторы возрождения были обычно
еврейского происхождения, хорошо зна-
ли русскую литературу. Былики писали о
еврействе, овладев русской классикой,

и знания и Бальмонта, и Брюсова, и Аннен-
ского, и Мережковского, и Горького, и
Сологуба... Лермонтов писал: «Нет, я
не Байрон, я другой», испытывая при этом
влияние Байрона. Каким бы ни было
моё бы сказать: я другой. Интересно

исследование в направлении
не «против», а «другой».

— **Какой российский автор — пред-
мет ваших сегодняшних трудов?**

— Я в свое время перевела несколько
ко рассказов Бабеля, а сейчас взялась
перевести на иврит всего Бабеля. На это
уйдет года два.

Беседу вели Лариса БЕЛАЯ